

Ч # у Ц з б л ц и н

ОТЦОВСКАЯ СПИНА

В последний раз я видел отца больше двух лет назад, а его спина все стоит перед моими глазами. Той зимой беды обступили нас со всех сторон: умерла бабушка, а отца рассчитали со службы. Я приехал в Сюйчжоу из Пекина, чтобы вместе с ним следовать на похороны. Мы встретились в Сюйчжоу; увидав разбросанные во дворе пожитки, я снова вспомнил бабушку и не смог сдержать слез. «Что же теперь поделатъ, не горюй, — утешал меня отец, — небо всегда держит одну дверь открытой, все еще переменится к лучшему!»

Мы вернулись в бабушкин дом; чтобы расплатиться с кредиторами, отец продал и заложил ценности, которые там хранились, но тут же влез в новые долги из-за похорон. То были черные времена для нашей семьи, частью из-за смерти бабушки, частью оттого, что отец остался без заработка. После похорон он собрался ехать в Нанкин, искать место, а мне пришла пора возвращаться на учение в Пекин. Мы вместе отправились в путь.

В Нанкине целый день я провел с другом, осматривая город, а на следующее утро должен был переправиться на другой берег Янцзы, в Пукоу, и там сесть на вечерний поезд до Пекина. Отец был занят и сказал, что не поедет на вокзал, поручил проводы знакомому прислужнику из нашей гостиницы. Снова и снова настаивал он прислужника, дотошно перечисляя все, что требовалось сделать. В последнюю секунду отца одолели сомнения: опасаясь, что на слугу нельзя положиться, он колебался и не знал, как поступить. Мне тогда исполнилось двадцать, я несколько раз ездил в Пекин и обратно, и в проводах вовсе не было нужды. Немного поразмыслив, отец сказал, что сам поедет со мной на вокзал. Я твердил, что это ни к чему, но он стоял на своем: «Нет-нет, слуги тут не годятся».

Мы переправились через Янцзы, зашли на вокзал. Пока я покупал билеты, отец смотрел за багажом. Вещей оказалось так

много, что нам было не обойтись без носильщика. Отец принялся торговаться. Я тогда — ума палата — все думал, мне все казалось, что отец говорит не то и не так, и считал своим долгом вмешаться. В конце концов, он условился о цене и прошел со мной в поезд. Выбрал место у входа, я расстелил на сиденье пальто с меховым воротником, которое он мне пошил. Он твердил, чтоб я был осторожен в пути, что по ночам надо быть начеку, беспокоился, как бы я не простыл. Потом наказал проводникам как следует за мной присмотреть. Я втайне усмехнулся его простодушью: эти люди признают только деньги, и просить их о чем-то — зря терять время. Ко всему прочему, я уже взрослый, неужели сам о себе не позабочусь? Да, теперь я вижу, до чего же умным был юношей, пожалуй, даже слишком умным.

Я сказал: «Папа, ступай». Выглянув из вагона, он ответил: «Куплю немного мандаринов. Не уходи, будь здесь». За оградой станции разложили товар торговцы. Чтобы подойти к ним, людям приходилось спрыгивать с платформы, перебираться через рельсы и снова карабкаться наверх. Моему тучному отцу это далось бы с трудом. Я хотел пойти сам, но он никак не соглашался, и мне пришлось остаться. Я смотрел, как отец в черной шапочке, в черной куртке магуа¹ поверх темно-синего ватного халата, переваливаясь, идет к краю платформы, там он немного замешкался, спускаясь на рельсы, но то было еще полбеды. Хуже всего отцу пришлось, когда он перебрался через пути и стал карабкаться на перрон. Руками он уперся в край платформы, ноги поджал под себя, его тучная спина качнулась влево — отцу было очень тяжело. Я смотрел на отцовскую спину, и слезы бежали по щекам. Я торопливо вытер глаза, чтоб ни он, ни кто другой не увидел, как я плачу. Снова посмотрел на перрон — отец уже возвращался с грудой алых мандаринов в руках. У путей он сложил свою ношу на землю, медленно спустился на рельсы, взял мандарины и зашагал дальше. Я выскочил из поезда и помог ему забраться наверх. Мы прошли в вагон, отец ссыпал мандарины на мое пальто. С самым беспечным видом отряхнул пыль с платья, и, немного помолчав, стал прощаться: «Пойду, пиши, как приедешь на место!» Я стоял и смотрел ему вслед. Отец прошел несколько шагов, обернулся: «Ступай в вагон, не бросай вещи».

---

¹Магуа — мужская куртка китайского покроя, надевалась поверх халата.

Когда его спина утонула в толпе, я вернулся в вагон, сел, и из глаз снова полились слезы.

В последние годы мы с отцом увязли в разъездах и хлопотах, а дела нашей семьи между тем шли все хуже и хуже. Отец юношей покинул родной дом, чтобы заработать на жизнь, и сам, полагаясь только на себя, достиг больших высот. Разве можно было подумать, что к старости его дела придут в такой упадок! Не в силах смириться, отец подчас плохо владел собой. Он стал удручен и подавлен и, желая отвести душу, гневался даже из-за мелких домашних неурядиц. И ко мне отец переменялся. Но за два года разлуки мои промахи были забыты, и теперь он только скучает по нас с сыном. В Пекине я получил от отца письмо, он писал: «Здоровье мое благополучно, лишь сильная боль в руке мешает держать кисть для письма и палочки. Верно, близок мой последний час». Я прочел эти строки и сквозь сияние слез, застилавших глаза, вновь увидел тучную отцовскую спину, одетую в черную куртку поверх синего ватного халата. Ах, отец!.. Кто знает, когда мы увидимся вновь?

*Перевод с китайского
Алины ПЕРЛОВОЙ*